

DOI: 10.22363/2949-5997-2024-2-1-87-101

EDN LOCTQO

Research article / Научная статья

Gulf Pidgin Arabic как коммуникативное средство трудовых мигрантов в арабских странах Персидского залива

Илья Александрович САВВИН

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ ilyasavvin.2000@gmail.com

Аннотация. В результате «нефтяного бума» середины XX в. в регион Персидского Залива направились значительные потоки трудовых мигрантов из стран Африки, Южной и Юго-Восточной Азии. Не владея арабским языком, трудовые мигранты были вынуждены взаимодействовать с местным арабским населением, что привело к появлению контактного языка — арабского пиджина Персидского Залива. Актуальность исследования определяется растущим количеством трудовых мигрантов в регионе, а также увеличением социального неравенства между местным арабоязычным населением и трудовыми мигрантами, использующими пиджин. Проанализированы лексический материал Gulf Pidgin Arabic (GPA), а также социологические опросы, касающиеся отношения к GPA как со стороны коренного арабского населения, так и со стороны носителей пиджина. Выводы: во-первых, GPA отличается заметной вариативностью на лексическом, фонетическом и синтаксическом уровнях языка, что указывает на нестабильность данного пиджина; во-вторых, коренное арабское население воспринимает GPA как средство социального дистанцирования от неквалифицированных мигрантов, в то время как сами трудовые мигранты воспринимают пиджин позитивно, считая его существенным преимуществом для работы в арабских странах. Работа вписывается в тематику исследования арабских пиджинов и будет полезна арабистам и специалистам в области социолингвистики.

Ключевые слова: контактные языки, арабский язык, арабские пиджины, социолингвистическая вариативность, репрезентации языка

Заявления о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: получена 22 марта 2024; принята в печать 15 мая 2024.

Для цитирования: Саввин И.А. Gulf Pidgin Arabic как коммуникативное средство трудовых мигрантов в арабских странах Персидского залива // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2024. Т. 2. № 1. С. 87—101. doi: 10.22363/2312-797X-2024-2-1-87-101

© Саввин И.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Gulf Pidgin Arabic as a communication tool of migrant workers in the ARAB countries of the Persian gulf

Ilya A. SAVVIN

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ ilyasavvin.2000@gmail.com

Abstract. As a result of the "oil boom" of the mid-20th century, significant flows of labor migrants from Africa, South and Southeast Asia headed to the Persian Gulf region. Not speaking Arabic, these migrant workers were forced to interact with the local Arab population, which led to the emergence of a contact language — Gulf Arabic pidgin. This study is relevant in view of the growing number of labor migrants in the region, as well as the widening social gap between the local Arabic-speaking population and pidgin-speaking labor migrants. The study analyzes the lexical material of Gulf Pidgin Arabic (GPA), as well as sociological surveys regarding the attitude towards GPA both from the indigenous Arab population and from pidgin speakers. During the work, the following conclusions were made. Firstly, GPA is characterized by noticeable variability in the lexical, phonetic and syntactic aspects of the language, which indicates the instability of this pidgin. Secondly, the native Arab population perceives GPA as a means of social distancing from unskilled migrants, while migrant workers themselves perceive pidgin positively, considering it a significant advantage for working in Arab countries. This work will contribute to further research on Arabic pidgins and will be useful to Arabists and specialists in the field of sociolinguistics.

Key words: contact languages Arabic pidgins, Arabic language, sociolinguistic variation, language representations

Conflict of interest. The author has no conflicts of interest to declare.

Article history: received 22 March 2024; accepted 15 May 2024.

For citation: Savvin, I.A. (2024). Gulf Pidgin Arabic as a communication tool of migrant workers in the Arab countries of the Persian gulf. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, 2(1), 87—101. (In Russ.). doi: 10.22363/2312-797X-2024-2-1-87-101

Введение

Арабские пиджины давно привлекают внимание исследователей. Наибольшее количество работ посвящено южносуданскому пиджину, который сформировался около 200 лет назад в результате контактов арабоязычного населения Судана и народов черной Африки, проживающих в Южном Судане. На данный момент джуба фактически считается креольским языком, т. е. обладает устоявшейся грамматической и лексической структурой, а также является родным для 250 тысяч человек, согласно отчету Ethnologue за 2020 г. Пиджину джуба посвящены работы Мауро Тоско, Стефано Манфредди, Петроллино, Фида Бизри (Tosco, Manfredi, 2013; Manfredi, Bizri, 2019). Джуба является самым исследованным, но не единственным пиджином на основе арабского языка. На основе того же суданского ва-

рианта арабского языка функционирует пиджин нуби, который до сих пор не привлекал большого внимания исследователей. То же можно сказать про пиджин турку, имеющий хождение в Чаде (Kremers, 2005). Интересный феномен представляет собой румынский пиджин Ирака, который использовали румынские работники нефтяных компаний, работавших в Ираке, особенно в 1970–1990-е гг. Ему посвящены работы Аврама (Avram, 2015, 2017). Также стоит отметить так называемый пиджин-мадам, являющийся смесью ливанского варианта арабского и сингальского языков (Bizri, 2014).

Фокусом же данной работы является Gulf Pidgin Arabic (GPA) — арабский пиджин Персидского залива. Он начал формироваться в 1960–1970-е гг. в результате нефтяного бума в регионе и последовавшего за ним наплыва иностранной рабочей силы в страны Персидского залива. Трудовые мигранты в основном являются выходцами из стран Африки, Южной и Юго-Восточной Азии. Первым на появление GPA обратил внимание Сمارт (Smart, 1990), описавший вариант пиджина, распространенный в ОАЭ. За этой работой последовали некоторые другие, рассматривающие различные аспекты GPA: Аврам (Avram, 2015, 2017), Альгамди (Alghamdi, 2014) и Альмоайли (Almoaily, 2013), при этом GPA, как и другие арабские пиджины, до сих пор игнорировался русскоязычными исследователями.

Цель исследования — описание GPA как языковой системы и особенностей его общественного функционирования. В соответствии с этой целью были выделены следующие задачи исследования:

- определить принадлежность GPA к (пре)пиджинам или креольским языкам;
- установить лингвистические особенности GPA;
- установить вариативность GPA в зависимости от родного языка говорящих;
- выделить особенности отношения общества к GPA.

Исследование носит дескриптивно-аналитический характер и проводилось на основе лексического материала GPA, а также в области лингвистики и социолингвистики.

Между жаргоном и пиджином

Социолингвистическая среда, в которой возник GPA, является хрестоматийным примером ситуации, в которой возникают пиджины. Широкий социальный разрыв между выходцами из стран Персидского залива и иностранными рабочими, а также краткосрочные трудовые контракты делают изучение языка принимающей страны необязательным для многих иностранных рабочих в регионе Персидского Залива. Базовая и упрощенная версия стандартного языка кажется достаточной для удовлетворения большинства коммуникативных потребностей иностранных работников. Еще один фактор, который привел к появлению GPA, — широкое языко-

вое разнообразие среди рабочей силы в странах Персидского залива. Работникам-мигрантам, имеющим разное языковое происхождение, для общения друг с другом нужен контактный язык, который был бы нейтральным или не являлся родным языком ни для кого из них (Alghamdi, 2014).

Непростая задача для социолингвистов — отнести GPA к препиджинам (или жаргонам), пиджинам или креольским языкам. Для начала необходимо установить содержание каждого из этих терминов. Под препиджином мы подразумеваем вид контактного языка, отличающийся скудным словарным запасом, нестабильной грамматикой и лексическим составом (Михальченко, 2006: 171). Пиджин — это контактный язык, отличающийся большей стабильностью по сравнению с препиджином, однако не являющийся родным языком ни для одного человека, говорящего на нем (Mühlhäusler, 1997). Креольский язык — это наиболее устойчивая и стандартизированная форма контактного языка, представляющий собой следующий этап развития пиджина. При этом креольский язык является родным для определенного языкового сообщества (Holm, 1988).

Бакир считает, что GPA приобретает четкую, хотя и обедненную грамматику и начинает демонстрировать некоторую степень последовательности во всех аспектах (Bakir, 2010: 223). Ф. Бизри высказывает похожую мысль о том, что несмотря на все еще существующую нестабильность, в GPA наблюдается определенная степень гомогенизации. Он предложил термин «арабские пиджины азиатских мигрантов» (Bizri, 2014), который вызывает сомнения, так как на GPA говорят трудовые мигранты не только из Азии, но и из Африки.

Несмотря на вышеупомянутые мнения, GPA все еще слишком нестабилен, особенно по сравнению с устоявшимися арабскими пиджинами джуба, нуби и турку, и отличается заметной вариативностью (Næss, 2008). Даже речь одного человека в разное время демонстрирует разные слова и построения предложений (см. далее раздел «Восприятие и отношение к GPA»). Это объясняется нестабильностью вариантов произнесения и неоднородностью сообщества, говорящего на GPA. Во-первых, этнический состав трудовых мигрантов в регионе Персидского залива крайне разнообразен: выходцы из стран Африки, Южной и Юго-Восточной Азии. Во-вторых, трудовые мигранты в регионе часто переезжают из одной страны в другую, периодически возвращаясь на родину. Все это мешает формированию стабильного гомогенного сообщества, использующего GPA. Более того, вышеперечисленные стабильные арабские пиджины формировались более длительный промежуток времени по сравнению с GPA, появившимся лишь в 1970—1980-е гг.

Мюльхойслер (Mühlhäusler, 1997) в своей работе выявил признаки, отличающие препиджин от пиджина. Ниже (табл. 1) приводим таблицу соответствия GPA выявленным признакам.

Таблица 1 / Table 1

Соответствие GPA признакам препиджина (жаргона) /
GPA correspondence to prepidgin (jargon) characteristics

Feature	GPA
inter-speaker variation in phonology	+
minimal personal pronoun system	+
unproductive reduplication	+
categorial multifunctionality	+
minimal personal pronoun system	+
absence of copula	–
absence of tense and aspect markers	+
absence of prepositions	(+)
coordination with paratactic structures or with adverbs	+
absence of complementizers, conjunctions	+
iconic paratactic structures	+
small size of vocabulary	+
semantic extensions	+
lexical hybrids ⁸	–
circumlocutions	+
reanalysis of morphemic boundaries	+

Источник / Source: (Avram, 2015).

Как мы видим, GPA обладает большинством черт, характерных для препиджинов. Стабилизации GPA, помимо уже рассмотренных факторов, мешают его «узконаправленность» и индивидуальность. Каждый трудовой мигрант использует GPA лишь в узкой сфере своего общения (в основном на рабочем месте). При этом каждый носитель GPA воспринимает и воспроизводит чуждый для него арабский язык по-своему, т.е. GPA не передается от говорящего к говорящему, а формируется индивидуально (Manfredi, Bizri, 2019).

Таким образом, рассмотрев основные признаки пиджинов и препиджинов, можно заключить, что GPA на данный момент, несмотря на некоторые тенденции к стабилизации, все еще остается на стадии препиджина.

Лингвистические особенности GPA

Как мы выяснили в предыдущем разделе, GPA относится к классу препиджинов (допиджинов). Ввиду этого GPA, как и остальные препиджины, имеет примитивную грамматическую структуру, его лексический состав крайне нестабилен, а фонетика упрощена и, отчасти, приближена к фонетике родных языков говорящих (Беликов, Крысин, 2001: 81).

⁸ Lexical hybrids (лексические гибриды) — слова, имеющие происхождение из двух или более языков (Mühlhäusler, 1997).

М. Тоско и С. Манфреди, в свою очередь, выделили черты, характерные для всех пиджинов на основе арабского языка, в т. ч. GPA. Перечислим основные из этих черт:

- велярные фрикативы сливаются со своими взрывными аналогами;
- геминация согласных и длина гласных повсеместно утрачиваются;
- арабская корневая морфология больше не продуктивна;
- частая потеря определенного артикля *al-*;
- род не является морфологической категорией;
- наличие единого самостоятельного набора личных местоимений;
- фарингализация повсеместно утрачена (Tosco, Manfredi, 2013: 499).

Проанализируем более подробно фонетическую систему GPA. Звуки *ħ*, *ḥ* и *h* сливаются в один звук *h*. Эмфатические согласные пропадают и заменяются обычными: *ṭ* — *t*; *ṣ* — *s*. Горловой звук *ʕ* ('айн) также отсутствует и произносится как хамза (гортанная смычка). Долгие гласные, имеющие смыслоразличительную функцию как в литературном арабском языке, так и в диалектах, в GPA тоже присутствуют, однако смыслоразличительной роли не играют; одно и то же слово может произноситься как с долгой гласной, так и с короткой, в зависимости от говорящего:

- 1) *Bādēn* — Оман;
- 2) *Bāden* — Катар;
- 3) *Baden* — Саудовская Аравия (Næss, 2008).

Похожая ситуация и с геминацией согласных; зачастую она пропадает: *sitta* — *sita*. Произношение варьируется в зависимости от страны, однако даже в рамках одной страны возможны различные варианты произнесения одного и того же слова: *jen* — *Sen* — *Zen* (Оман). Более того, один человек может произносить одно и то же слово по-разному в разных ситуациях: *fi* — *fī*, *gul* — *gūl*, *jen* — *zen*, *nafar* — *napar* (Næss, 2008).

Упрощения наблюдаются и в морфологической структуре. Флективность в GPA сведена к минимуму. Отсутствуют грамматические показатели двойственного числа, вместо них двойственность передается по схеме: числительное «2» + слово в единственном числе: *isnēn sana* (два года), *tineen usbuu* (две недели)¹. Интересно, что в приведенных примерах само числительное «2» произносится по-разному (Bakir, 2010).

В GPA полные местоимения используются вместо слитных в подавляющем большинстве случаев: *gūl la anā rūh* — он сказал мне пойти. Прилагательные, как и глаголы, в основном не изменяются и используются в форме мужского рода (глаголы употребляются в форме 3-го лица мужского рода прошедшего времени): *tumkin hiya tābān* — возможно, она устала. Часто значения действия передается по формуле: глагол «делать» + прилагательное/существительное:

- 1) *ana sawwi kalam* — досл. «я делаю разговор», т. е. «я разговариваю»;
- 2) *ana sawwi nadīr* — досл. «я делаю чистым», т. е. «я чищу».

¹ Здесь и далее, перевод наш — И.С.

Иногда используется повторение слова для указания на постоянство или на усиленность признака: *eš fi kalam hada sura sura* — почему ты говоришь так быстро (Avram, 2017).

Из-за упрощения языка и небольшого словарного запаса слова в GPA зачастую многофункциональны. Например, слово *fī* имеет следующие значения:

- 1) предикативная связка: *beelad fī zein* — город хороший (в данном случае слово *fī* переводится как «является»);
- 2) экзистенциальная связка: *fī wahed nafar hina* — здесь 1 человек;
- 3) обладание: *ana fī sadiki shogul Bahrain* — у меня есть друг, который работает в Бахрейне.

Еще один показательный пример полисемантичности в GPA — слово *māl*, которое используется в следующих случаях:

- 1) *bint araf ziyāda māl bilād* — моя дочь знает много о своей стране;
- 2) *ana fi zeyn māl Hindi* — мне хорошо, пока я в Индии;
- 3) *Sawwi māl ana muškil* — она доставляет мне проблемы;
- 4) *binti fi āti māl walad* — моя дочь отдает это (моему) сыну.

При этом иногда наравне с арабскими словами используются английские синонимы:

- 1) *Inti ahyanan mafi sabar* — иногда ты нетерпелива;
- 2) *Fi patient* — будь терпеливым.

Примечательно использование отдельных слов из других языков: *chiko* — из португальского/испанского в значении «ребенок», а также *kāmūtīkā* (вариант приветствия) и *adbar kā* в сочетании с арабским глаголом *rūh* (идти) в значении «выходить». Происхождение этих слов не совсем понятно, возможно, они происходят из Урду или родственного ему языка (Smart, 1990).

Самый распространенный порядок слов в GPA — SVO, иногда встречается SOV, согласно исследованию Альгамди, SVO встречается в 69 % случаев, а SOV — в 18 % (Alghamdi, 2014). При этом один и тот же человек может менять порядок слов в своей речи: *hatteeti maay... saabuun hatteeti* — налей воду, [затем] налей мыло (Bakir, 2010). В целом, можно заключить, что в GPA отсутствует строгий порядок слов, при этом в нем присутствуют синтаксические явления, отсутствующие в арабском языке:

- 1) прилагательное предшествует существительному: *fī sahīr dukān* — есть маленький магазин;
- 2) модальный глагол используется после основного глагола: *inte šāra šūf yigdar* — ты можешь увидеть улицу;
- 3) наречие стоит перед глаголом: *sem sem kalām* — они говорят на одном языке;
- 4) в выражении принадлежности имя обладателя может использоваться как в начале, так и в конце высказывания: *ana sadiki bēt* — дом моего друга, *kulo fulus anta* — все твои деньги (Næss, 2008).

Принадлежность в GPA иногда выражается через слово *māl*, при этом оно может идти как до имени обладателя, так и после него: *ana māl bint tālīm arabi* — у меня есть дочка, которая учит арабский, *Salīm māl ana sadig* — Салим мой друг.

Грамматический показатель времени отсутствует, время определяется либо по контексту, либо по специальным словам, указывающим на время действия: *alhiin* (сейчас), *bukra* (завтра), *amis* (вчера) и т.д.

Отрицание в GPA строится путем добавления перед глаголом частиц *ma* или *mafi*². Например:

1) *Ma yebi* — Я не хочу;

2) *Ana mafi rūh sīnema* — Я не хожу (иду) в кино;

3) *Huwa mafi kalam ana fi kalam* — Он не говорил, [когда] я говорил.

В этом примере представляется сложным дать правильный перевод, так как отсутствуют комплементаторы и указание на время действия (Alghamdi, 2014).

Выражение порядка действий осуществляется либо путем паратаксиса, либо при помощи выражения со словом «потом».

1) *Atī pulūs sīr dikān* — Дай ей денег, и она пойдет в магазин;

2) *Hatteeti maay gassala badeen saabuun hatteeti* — Сначала налей в стиральную машину воду, а потом положи мыло.

Подобно вышеперечисленным примерам, сложноподчиненные предложения тоже строятся через паратаксис, комплементаторы практически не используются: *Kafil gūl [] mafi alhīn ijī* — спонсор сказал, [что] не придет сейчас (Avram, 2017).

Вариативность GPA

Как было отмечено выше, GPA не является полноценным языком с устоявшейся грамматической и лексической структурой: следовательно, для него характерен высокий уровень вариативности. Различия GPA в зависимости от страны пребывания говорящих все еще плохо изучены и представляют собой большую исследовательскую лакуну. Насколько нам известно, этот вопрос обсуждается только в работах Смарта (Smart, 1990), описывающего язык азиатских мигрантов в ОАЭ и Аль-Азраки (Al-Azraqi, 2010) и Аль-Моайли (Almoaily, 2013), описывающих ситуацию в Саудовской Аравии.

Зачастую различия в GPA обусловлены экстралингвистическими факторами, например, полом говорящего. Вызвано это тем, что женщины, в основном работающие нянями или домработницами, имеют ограниченный круг и темы общения. В основном они общаются на бытовые темы с женщинами, что определяет характер их языка: к примеру, в подавля-

² Примечательно, что в арабском диалекте Персидского залива слово *mafi* употребляется в значении «отсутствовать, не иметься», а в GPA оно приобрело значение общего отрицания.

ющем большинстве случаев они употребляют глаголы и прилагательные в форме женского рода (Jureidini, Moukarbel, 2004).

Однако, пожалуй, наиболее важный фактор, обеспечивающий вариативность GPA — родные языки говорящих. Каждый из этих языков, имеющих различную грамматическую структуру, влияет на вариант GPA, на котором в итоге будет говорить носитель. Большое сравнительное исследование проведено среди носителей бенгальского, малаялама и панджаби языков (Almoaily, 2013).

Исследователь показал, к примеру, что носители малаялама, говоря на GPA, чаще используют определенный артикль аль- (39,4 %), чем носители бенгальского (18 %) и панджаби (15,6 %). Это странно, так как бенгальский — единственный язык рассматриваемой группы, где есть понятие определенности слова, поэтому предполагалось, что его носители будут использовать определенный артикль в GPA чаще. Также не совсем понятно частое использование определенного артикля носителями малаялама: возможный эффект хинди/урду как второго языка для носителей малаялама здесь можно исключить, поскольку урду тоже не имеет категории определенности. Помимо различных родных языков, значение имеет длительность пребывания говорящих на GPA в арабских странах. Так, средний показатель использования определенного артикля среди новоприбывших — 19,1 %, в то время как живущие в регионе более 10 лет мигранты используют определенный артикль уже в 29,6 % случаев.

Примечательно также использование соединительных союзов: наиболее высокие показатели их употребления зафиксированы у носителей панджаби, у носителей малаялама — 11,7 %, а бенгальского — только 9,4 %. Возможно, это объясняется тем, что использование соединительных союзов в бенгальском необязательно, а в малаяламе союзы присоединяются к слову, не являясь отдельной лексемой. В данном случае время пребывания в регионе тоже играет свою роль: средний показатель использования соединительных союзов среди новоприбывших — 7,6 %, а среди тех, кто живет в регионе более 10 лет — уже 23,3 % (Almoaily, 2013).

Согласование прилагательного и существительного встречается в GPA крайне редко — вместо этого практически во всех случаях используется прилагательное в форме единственного числа мужского рода. Лучшие результаты согласования прилагательного и существительного показывают носители малаялам (15,1 %), чуть хуже — носители панджаби (11,5 %), затем — носители бенгальского (4,7 %). Возможно, это связано с тем, что в малаялам прилагательное согласуется со существительным по лицу, числу и роду (Asher, Kumari, 1997), а в панджаби прилагательные согласуются со своим главным существительным по числу и роду, за исключением заимствованных слов (Bhatia, 2013). С другой стороны, в бенгали прилагательные не склоняются по числу или роду. Вместо этого со всеми существительными используется форма единственного числа мужского

рода (Milne, 1993). В среднем «новички» в регионе используют согласование в 6,6 % случаев, а «старожилы» — в 14,6 %.

Отдельный интерес представляет использование слитных местоимений в GPA — они отсутствуют во всех 3 родных языках информантов. Тем не менее носители малаялама используют слитные местоимения в 27,7 % случаев, носители бенгальского — в 16 %, а панджаби — в 9,1 %. В среднем новоприбывшие мигранты используют слитные местоимения в 11,5 % случаев, а те, кто давно живет в регионе — в 22,78 %.

Использование глаголов и их согласование с подлежащим не представляет большой вариативности среди носителей GPA: при наличии глагола в предложении, он используется в форме прошедшего времени единственного числа мужского рода. Однако возможны следующие ситуации:

- 1) глагол вовсе опускается;
- 2) использование отглагольного существительного вместо глагола;
- 3) использование повелительного наклонения глагола вместо формы прошедшего времени.

Наблюдается различие в частотности использования глаголов между новоприбывшими мигрантами и теми, кто живет в регионе уже давно. Первая группа опускает глагол в 38,6 % случаев, в то время как вторая — в 16,4 %. При этом согласование глагола с подлежащим в GPA встречается крайне редко — лишь в 3 % случаев. Частое использование повелительной формы глагола в значении изъявительного наклонения, вероятно, объясняется тем, что говорящие на GPA в общении с носителями языка чаще всего слышат именно повелительную форму.

Восприятие и отношение к GPA

GPA является относительно новым феноменом в регионе Персидского залива, поэтому отношение к нему до сих пор неоднозначное, в особенности со стороны коренного арабского населения.

Сами говорящие на GPA воспринимают его скорее позитивно: пиджин является для них своего рода символическим капиталом (Bourdieu, 1991), позволяющим им работать не только в одной стране, но во всех странах региона. В этой связи примечательно приведенное Ф. Бизри интервью со шри-ланкийскими трудовыми мигрантами в Кувейте. Один из них не советует соотечественникам ехать в Израиль на заработки, ведь после этого ни одна арабская страна не примет их у себя. Он приводит собственный пример: если у него что-то не получится в Кувейте, он сможет уехать и найти работу в любой другой арабской стране, ведь он знает арабский (пиджин) (Bizri, 2014).

Особенно ценят свое владение арабским языком мигранты-мусульмане. Они считают арабский священным языком ислама, поэтому владение им будет полезно для их духовного и личностного развития: по возвращении

в родную страну знание арабского языка существенно повысит их статус в обществе (Thangarajah, 2003). Тем не менее владеющие GPA не воспринимают его как часть своей идентичности (в отличие от носителей суданского пиджина джуба) (Miller, 2000), ведь в основном они живут в относительно закрытых общинах вместе со своими соотечественниками и осознают временность своего пребывания в арабских странах.

Что же касается восприятия этого варианта автохтонным населением, то Д.Р. Сمارт, У. Нэсс, М. Алмоайли и А. Аврам свидетельствуют о том, что GPA в глазах коренного арабского населения связан в первую очередь с низким статусом (Smart 1990, Næss, 2008, Almoaily, 2013, Avram, 2015), что обуславливается несколькими факторами:

1) GPA, как и любой пиджин, представляет собой «испорченную» версию языка-лексификатора;

2) люди, говорящие на GPA, в основном имеют низкий социальный статус и работают в сфере обслуживания (табл. 2).

Саудовцы не склонны считать GPA отдельным языком и воспринимают его как одну из «версий» арабского языка. При этом нельзя сказать, что отношение к GPA у всего автохтонного населения отрицательное: многие коренные жители арабских стран видят в GPA естественное и нормальное языковое явление. Однако при общении с трудовыми мигрантами саудовцы предпочитают использовать не GPA, а свой родной диалект, но в то же время признают важность пиджина как коммуникативного средства (табл. 3). Данные таблицы показывают, что большая часть коренного населения считает, что GPA — скорее негативный феномен (вопрос 29), а трудовым мигрантам следовало бы приложить большие усилия, чтобы выучить арабский язык (вопрос 12).

Результаты опросов по поводу распространения GPA в регионе показали негативное отношение местного населения к этому процессу. Вместе с тем данные Абеда (табл. 3), подтверждают это. Большинство опрошенных им саудовцев заявляют, что его не следует широко использовать или распространять. Это подтверждает тезис о том, что пиджин воспринимается лишь как маргинальное средство общения низкоквалифицированных трудовых мигрантов с местным арабским населением. М. Себба делит общества на более и менее «толерантные» к использованию пиджинов (Sebba, 1998). Судя по всему, арабское общество Персидского залива относится скорее ко второй категории: оно в целом принимает существование GPA, однако четко дает понять его второстепенное положение по сравнению с местным вариантом арабского языка (Abed, 2018).

Таблица 2 / Table 2

Результаты опроса коренных жителей Саудовской Аравии
об их отношении к GPA, часть 1/ Results of a survey of native Saudi Arabian
residents regarding their attitudes towards GPA, part 1

Item	Strongly Agree	Agree	Neutral	Disagree	Strongly Disagree
Q1: Gulf Pidgin Arabic or as locally known (broken Arabic, jargon, the language of the labourers) is a language in itself	2.1%	20.6%	10.6%	37.6%	29.1%
Q2: GPA is considered to be one of the important and popular languages in Saudi Arabia	7.9%	29.8%	17.7%	29.8%	14.9%
Q4: I hate GPA	38.3%	36.9%	9.2%	12.1%	3.5%
Q6: I have no interest in GPA	18.4%	42.6%	26.2%	11.3%	1.4%
Q9: Non-Arabic speaking foreigners who speak in GPA are ignorant and less educated	17.7%	36.9%	13.5%	27.0%	5.0%
Q10: I feel that speaking in GPA is quite normal	4.3%	33.3%	15.6%	34.8%	12.1%
Q19: I would rather speak my Arabic dialect than speak in GPA when communicating with the non-Arabic speaking migrant foreign labourers	39.7%	39.7%	13.5%	6.4%	0.7%
Q20: I do not find any positive side about speaking in GPA with the non-Arabic speaking foreign labourers	22.7%	36.2%	22.7%	17.7%	0.7%
Q21: I love speaking GPA	1.4%	3.5%	14.2%	44.7%	36.2%

Источник/ Source: (Abed, 2018: 97).

Таблица 3 / Table 3

Результаты опроса коренных жителей Саудовской Аравии
об их отношении к GPA, часть 2 / Results of a survey of native Saudi Arabian
residents regarding their attitudes towards GPA, part 2

Item	Strongly Agree	Agree	Neutral	Disagree	Strongly Disagree
Q5: Speaking and hearing GPA everywhere makes me feel resentful	29.1%	44.7%	12.8%	11.3%	2.1%
Q7: I do not encourage (or promote) GPA's presence as a communication tool with the non-Arabic speaking foreign labourers	40.4%	34.0%	17.0%	7.8%	0.7%
Q8: It does not bother me at all to speak GPA	5.7%	30.5%	14.9%	34.0%	14.9%
Q11: GPA should not be spoken nor written	54.6%	34.0%	5.0%	4.3%	2.1%
Q12: The non-Arabic speaking migrant labourers should make a greater effort to learn the local dialect instead of speaking GPA	45.4%	41.8%	7.8%	5.0%	0.0%
Q24: I do not find anything negative about speaking GPA with the non-Arabic speaking migrant foreign labourers	2.1%	15.6%	23.4%	44.0%	14.9%
Q27: I think that people should not speak GPA with the non-Arabic speaking migrant foreign labourers	35.5%	41.1%	10.6%	12.1%	0.7%
Q29: Speaking GPA with the non-Arabic speaking migrant labourers is a negative phenomenon	34.0%	42.6%	9.2%	11.3%	2.8%
Q30: I agree with the spread of GPA in Saudi Arabia	2.8%	2.1%	11.3%	30.5%	53.2%

Источник / Source: (Abed, 2018: 97).

Более того, коренное арабское население воспринимает GPA как фактор социального дистанцирования и четкую границу между коренным населением и мигрантами. Таким образом арабское население показывает свое превосходство над неграмотными рабочими-мигрантами: владение «правильным» арабским языком подчеркивает их привилегированность, в то время как GPA считается комичной, испорченной версией арабского языка (Bizri, 2014).

П. Ауэр и Й. Шмидт считают, что подобная ситуация, когда местное население высокомерно смотрит на пиджин, но в то же время не помогает трудовым мигрантам изучать арабский язык, в итоге приведет к дальнейшей сегрегации между двумя группами населения. GPA продолжит распространяться в районах, населенных мигрантами, результатом станет формирование у них общей социальной идентичности (Auer, Schmidt, 2010).

Заключение

Очевидно, что на данный момент GPA не может считаться стабильным пиджином или, тем более, креольским языком: он принадлежит к разряду препиджинов, или нестабильных пиджинов. Лексическая и грамматические системы GPA нестабильны и варьируются в зависимости как от страны, так и от родного языка говорящих. Мы наблюдаем вариации на всех уровнях: фонетическом, морфологическом и синтаксическом.

Различные варианты GPA все-таки имеют некоторые общие черты, которые позволяют нам говорить о зарождающемся варианте пиджина. Среди этих черт — повсеместное отсутствие фарингализации; геминация согласных и длинные гласные теряют свои функции, присущие им в арабском языке; наиболее распространенный порядок слов в предложении — SVO. При этом GPA обладает набором свойств, характерных для всех пиджинов: ярко выраженные аналитические тенденции в грамматике, приводящие к крайнему упрощению грамматики, расширение семантического значения, приводящее к неопределенности слов.

Как было упомянуто выше, в GPA мы наблюдаем высокую долю вариативности. Ведущими факторами этих различий являются: субстратные явления, связанные с родным языком говорящих и их пол, поскольку часто половая принадлежность коррелирует с разными ситуациями общения. Более детальное изучение различий GPA в каждой стране Персидского залива будет логичным продолжением данного исследования.

Наконец, было выяснено, что носители GPA позитивно относятся к этому феномену, считая его полезным активом для работы в арабских странах. Выше других GPA оценивают мигранты-мусульмане, для которых владение языком Корана является показателем престижа. В то же время отношение к GPA коренного арабского населения менее однозначно: не проявляя агрессии или явно негативной реакции по отношению к GPA,

коренные жители смотрят на него как на наименее престижный вариант, во-первых, из-за того, что GPA считается испорченной версией арабского языка, а во-вторых, на нем разговаривают неквалифицированные мигранты-рабочие.

Вопросы вариативности GPA и его становления как устойчивого пиджина еще ждут своего исследователя.

Список литературы / References

- Abed, L.G. (2018). *Gulf Pidgin Arabic: An Empirical Investigation into its Emergence and Social Attitude: thesis*. Dublin: Trinity College Dublin.
- Al-Azraqi, M. (2010). The ancient dād in southwest Saudi Arabia. *Arabica*, 57(1), 57—67.
- Alghamdi, E.A. (2014). Gulf Pidgin Arabic: A descriptive and statistical analysis of stability. *International Journal of Linguistics*, 6(6), 110—127.
- Almoaily, M. (2013). *Language variation in Gulf Pidgin Arabic: thesis*. Newcastle: University of Newcastle Upon Tyne.
- Asher, R.E., & Kumari, T.C. (1997). *Malayalam*. London: Routledge.
- Avram, A. (2015). On the developmental stage of Gulf Pidgin Arabic. *Arabic varieties: Far and wide. Proceedings of the 11th International Conference of AIDA*. Bucharest: Editura Universității din București. P. 87—98.
- Avram, A. (2017). On the periphery of the periphery: Gulf Pidgin Arabic. *Lisan Al-Arab*, Vol. 9. P. 61—74.
- Auer, P., & Schmidt, J.E. (2010). *Language and space: an international handbook of linguistic variation*, V. 1. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Bakir, M.J. (2010). Notes on the verbal system of Gulf Pidgin Arabic. *Journal of Pidgin and Creole languages*, 25(2), 201—228.
- Belikov, V.I., & Krysin, L.P. (2001). *Sotsiolingvistika: Uchebnik dlya vuzov* [Sociolinguistics: Textbook for universities]. Moscow: RGGU publ. (In Russ.).
- Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика : учебник для вузов. М. : РГГУ, 2001.
- Bhatia, T. (2013). *Punjabi*. London: Routledge.
- Bizri, F. (2014). Unity and diversity across Asian migrant Arabic pidgins in the Middle East. *Journal of Pidgin and Creole Languages*, 29(2), 385—409.
- Bourdieu, P. (1991). *Language and symbolic power*. Harvard: Harvard University Press.
- Holm, J.A. (1988). *Pidgins and creoles. V. 1. Theory and structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jureidini, R., & Moukarbel, N. (2004). Female Sri Lankan domestic workers in Lebanon: a case of 'contract slavery'? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 30(4), 581—607.
- Kremers, J. (2005). *Arabic pidgins and Arabic colloquials: A syntactic comparison*. https://www.academia.edu/2271059/Arabic_pidgins_and_Arabic_colloquials_A_syntactic_comparison (accessed 08 August 2024).
- Manfredi, S., & Bizri, F. (2019). Arabic-based pidgins and creoles. In E. Al-Wer; U. Horesh (eds.), *The routledge handbook of Arabic sociolinguistics*. London: Routledge. P. 134—146.
- Mikhal'chenko, V. Yu. (ed.). (2006). *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov*. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN publ. (In Russ.).
- Михальченко В.Ю. (ред.) Словарь социолингвистических терминов. М. : Институт языкознания РАН, 2006.
- Miller, C. (2000). The grammaticalisation of the verb 'to say' in Juba Arabic. *Third International Conference of Aida*. Malta: University of Malta. P. 213—218.
- Milne, W.S. (1993). *A Practical Bengali Grammar*. Calcutta: Asian Educational Services.
- Mühlhäusler, P. (1997). Language ecology-contact without conflict. *Language choices: Conditions, constraints, and consequences*, 1, 3—15.

Næss, U.G. (2008). «*Gulf Pidgin Arabic*»: *Individual strategies or a structured variety? A study of some features of the linguistic behaviour of Asian migrants in the Gulf countries: thesis*. Oslo: University of Oslo.

Sebba, M. (1998). Phonology meets ideology: The meaning of orthographic practices in British Creole. *Language Problems and Language Planning*, 22(1), 19–47.

Smart, J.R. (1990). Pidginization in Gulf Arabic: A first report. *Anthropological Linguistics*, 32(1/2), 83–119.

Thangarajah, C.Y. (2003). Veiled constructions: Conflict, migration and modernity in eastern Sri Lanka. *Contributions to Indian Sociology*, 37(1–2), 141–162.

Tosco, M., & Manfredi, S. (2013). Pidgins and creoles. In J. Owens (ed.). *The Handbook of Arabic Linguistics*. Oxford: Oxford University Press. P. 495–519.

Сведения об авторе:

САВВИН Илья Александрович получил степень бакалавра востоковедения в НИУ ВШЭ (г. Москва). Приглашенный преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, магистрант 2-го года обучения филологического факультета по направлению «Лингвистика», ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов. *Научные интересы*: миноритарные языки Ближнего Востока, языковые контакты, арабскую диалектологию и языковую политику.

ORCID: 0009-0009-4801-2426

E-mail: ilyasavvin.2000@gmail.com

Bionote:

SAVVIN Ilya A. received a bachelor's degree in Oriental Studies from the National Research University "Higher School of Economics" (Moscow). He is an associate lecturer at the School of Oriental Studies, National Research University "Higher School of Economics", a second-year Master's student in the Faculty of Philology, an assistant lecturer at the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. *Research interests*: minority languages of the Middle East, language contacts, Arabic dialectology and language policy.

ORCID: 0009-0009-4801-2426

E-mail: ilyasavvin.2000@gmail.com